

ОТКРЫТЫЙ УРОК

Гастроли Ленинградского тюза в Москве

«Есть люди для себя и есть люди для детей. Людям для себя некогда. Куда они так спешат! Где они работают? Были бы у них хотя бы черные тапочки, как у трубочиста, или охотничья шляпа, тогда сразу было бы видно, кто они такие... Людям для себя я побаиваюсь. Людям для детей лучше. С ними сразу весело, и детям сразу есть на что посмотреть», — так разделил людей чешский поэт Витезслав Nezval.

Недавно в Москве побывали такие люди, с которыми всем «сразу весело, и детям сразу есть на что посмотреть». На спектакли Ленинградского театра юных зрителей одинаково стремились школьники любого класса и взрослые любого возраста. Этот театр излучает энергию радости, создает светлое настроение, ему чужды прямолинейность и назидательность, иллюстративная поучительность и школярское разжевывание понятий «что такое хорошо и что такое плохо». И зрительный зал обвеивается то в открытом смехе, то в задумчивой тишине. А каждый в отдельности открывает для себя что-то лично важное: взрослым, может быть, стеновывает стыдно, что они больше «люди для себя», а дети, наоборот, впервые пытаются принять какое-то твердое решение. И то, что ленинградцы работают без скидки на возраст, без пресловутого педагогического сюсюка-

ния, лишь подтверждает глубину их педагогических целей.

Творческие позиции театра требуют повышенного внимания к миру подростка, подтверждают сложность и необходимости быть его доверенным лицом.

Отсюда строго сформированный репертуар, в котором подчеркнута позиция театра, отсюда спектакли, проникающие в самые разные сферы жизни и осещающие их самым неожиданным образом.

Показывая «Наш Чуковский», «Наш, только наш...», театр прежде всего вызывает к эстетическому чутью зрителя, развивает его вкус, музыкальность, прививает вкус к различным театральным жанрам, демонстрирует языковое разнообразие искусства. Это уроки эмоционального восприятия, через которые прямой путь к «Радуге зимой» М. Рошина, «Тимми, ровесник мамонта» И. Ольшенского (по мотивам фантастического рассказа американского писателя А. Азимова), где остро поставлены нравственные проблемы. В одном случае это рассказ о фантазерке Кате, которая называет себя Анной-Марией, теплом ладоней отогревает заснеженные деревья, по душам разговаривает с лошадью и так же естественно старается помочь мальчику Гене. А мальчик Гена учится играть на скрипке, считает Катю дурочкой и забывает о ней вместе со своими неприятностями. А еще

взрослые смеялись над Катей, когда она искала Гену, чтобы помочь ему.

История с Тимми тоже необыкновенная. Мальчика неадекватно извлекали из небытия в научных целях. Он научился говорить, писать, читать, мечтал о друге, путешествиях, как все обыкновенные мальчишки. Но эксперимент окончился. И ученые, не видя на все человеческие нормы и чувства, на материнскую привязанность к Тимми его воспитательницы, включили машину времени.

Соединение реалистического и фантастического в этих спектаклях выявляет творческое отношение к окружающему миру, побуждает юных к активному соперничеству. Рампа как будто не отделяет героев от зрительного зала, и актеры вместе со всеми учатся распознавать добро и зло. Атмосфера взаимопомощи расширяет зритель, делает их искренними и отзывчивыми, создается тот нравственный климат, в котором всем дышится легко. Только проявив тонкость и чуткость к личности своего зрителя, не посягая на его внутреннюю самостоятельность, театр с полным правом друга проверяет на прочность силы юности, вступающего в жизнь. И разговор на спектаклях «После казни прошу...», «Гамлет» разрастается в острый диспут о выборе пути и о путях выбора. Несмотря на разность судеб лейтенанта Шмидта и Гамлета, на отличие исторических эпох, в которые живут эти герои, театр

в своем устремлении воспитать красивого человека сосредоточивает и обращает внимание зрителей на нравственной высоте этих героев, на их понимании чувства долга, постижении истинного и ложного. И если образ романтически цельного лейтенанта Шмидта театр поднимает как символ верности революционной идее, гражданскому долгу, то судьба Гамлета — путь юности от чувственного мироощущения, через страдания и сомнения к пониманию личной ответственности за восстановление справедливости.

Приближая к внутреннему взору зрителей многообразный мир человеческих страстей, театр рассматривает диалектику юношеской души с позиции молодого человека. Утверждает, что для любых жизненных испытаний необходимы духовная закалка и зрелость, что выстоять может только морально сильная личность.

ТЕАТР нашел общий язык с детьми (правда, только школьного возраста), со взрослыми. Для этого главный режиссер З. Корогодский, а с ним и режиссеры-педагоги Л. Додин, В. Фильштинский много придумывают, изобретают и для серьезного, и для шуток. Актеры здесь пластичны, как мимы цирка, музыкальны, как артисты балета, свободно чувствуют себя в любом жанре от сказки до трагедии. В их ансамбле сегодня солисты. — И. Соколова, Г. Тараторкин, А. Шуранова, И. Шибанов, артистично выражающие лучшее, чего достиг весь коллектив в своих художнических наблюдениях и поисках.

Из упражнений актерской школы,

которые называются наблюдениями, возник новый спектакль театра «Открытый урок». В нем заняты только студии. Под руководством З. Корогодского они сложили педагогическую мозаику, в которой заостренно высечены и обобщены те на первый взгляд незначительные просчеты в «методике воспитания», которые нередко в ходе жизни нравственно нелегко наших детей. Потому что дети восприимчивы и впечатлительны. Вот к примеру. День рождения маленькой Кати, Тани, Неди. К родителям приходят их друзья и только мимоходом обращают внимание на виновника торжества. Но вдруг пришел Петя, Сережа, Коля, и взрослые окружают толпой детей, чтобы посмотреть, как он будет поздравлять. Мальчик стесняется. В конце концов его родители силой заставляют выполнить весь обязательный ритуал поздравления под хохот взрослых гостей, а дети плачут. Или школьный концерт, где старшеклассница, ведущая программу, изо всех сил старается походить на взрослую, что вызывает смех и слезы, а ученик первого класса, старательно исполняющий вечное «Яблочко», — сочувствие и жалость.

И через весь спектакль то сатирическим, пером, то с добрым юмором ведется разговор со взрослыми о детях, о том, что, воспитывая детей, нельзя забывать о самих детях, о том, что «мыслим о детях не меньше и они на беднее и не хуже, чем у взрослых, только они другие...», как сказал Я. Корчак и чьи слова стоят эпиграфом на программке «Открытого урока».

Н. СОРОКИНА.